

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

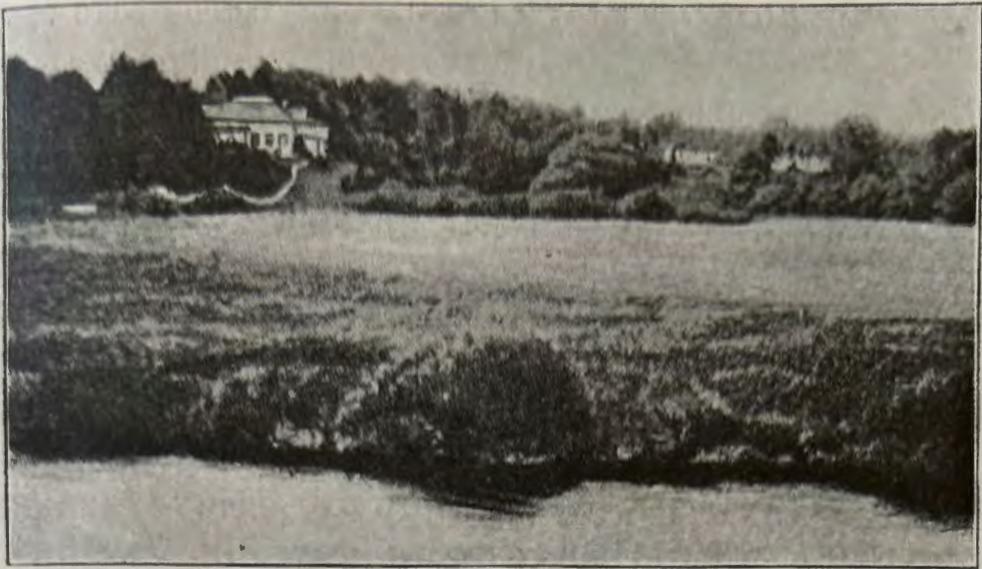
Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

Ялта, 1903 г.

Общій видъ Бабкина.

Объ А. П. Чеховъ.

Въ жизни Антона Павловича Чехова были три эпохи, которыя отразились на всемъ его творествѣ. Онъ и самъ признавалъ это. Это были: поѣздки къ нѣкому Ивану Парфентьевичу въ усадьбу и къ его племяннику Кравцову на далекій хуторъ въ донскихъ степяхъ, когда еще А. П. былъ гимназистомъ; затѣмъ—г. Воскресенскъ и усадьба Бабкино Московской губ., гдѣ А. П. провелъ четыре лѣта тотчасъ по окончаніи курса университета, и, наконецъ, Мелихово, гдѣ онъ былъ уже землевладѣльцемъ. О первой эпохѣ я не знаю ничего, кромѣ того развѣ, что А. П. рассказывалъ мнѣ самъ. Благодаря впечатлѣніямъ именно этой эпохи, были написаны имъ: «Степь», «На пути», «Жалобная книга». Я помню, какъ онъ со смѣхомъ рассказывалъ о такой книгѣ гдѣ-то на станціи донецкой дороги. Въ поѣздкѣ къ Кравцову А. П. бывалъ на каменно-угольныхъ кояхъ и тамъ же слышалъ звукъ сорвавшейся бадьи, о которомъ упоминается въ «Счастьи» и въ «Вишневомъ саду». Донецкая дорога тогда еще только строилась, и здѣсь ему пришлось наблюдать постройку желѣзнодорожной насыпи, которую

онъ описалъ въ «Огняхъ». Тутъ же напугалъ брата оторвавшійся отъ поѣзда товарный вагонъ, о которомъ говорится въ разсказѣ «Страхи».

Окончивъ курсъ гимназіи, А. П. пріѣхалъ въ Москву въ университетъ и поселился вмѣстѣ съ семьей, которая переселилась изъ Таганрога еще раньше. Я тогда былъ гимназистомъ. Мы жили очень бѣдно, и приходилось всѣмъ намъ, братьямъ, искать заработковъ. Я переписывалъ лекціи, братъ Иванъ Павловичъ, 18-ти лѣтнимъ юношей, держалъ экзамень на народнаго учителя и въ 1880 г. былъ назначенъ въ приходское училище въ Воскресенскъ (Новый Іерусалимъ), куда и уѣхалъ; а А. П. послалъ въ «Стрекозу» свой первый разсказъ «Письмо къ ученому сосѣду», съ котораго и началась его литературная дѣятельность. Вскорѣ затѣмъ онъ сталъ работать и въ другихъ московскихъ изданіяхъ, и на пространствѣ 2—3 лѣтъ, помнится, написалъ цѣлые романы; «Ненужная побѣда» (въ «Будильникѣ»), «Цвѣты запоздалые» (въ «Свѣтѣ и Тѣняхъ») и «Золотая коса» (въ «Москвѣ»). Романы эти въ его сборники не вошли вовсе.

Каждое лѣто наша семья выѣзжала къ брату Ивану Павловичу въ Воскресенскъ, а А. П. оставался въ Москвѣ писать. Послѣ тяжелой работы ему волей-неволей приходилось съ покойнымъ братомъ Николаемъ развлекаться въ Сокольникахъ, въ Богородскомъ и вообще въ тѣхъ дачныхъ выселкахъ, которые съ такимъ юморомъ описаны имъ во многихъ его разсказахъ («Дачники», «Лишніе люди» и др.). Въ 1884 году А. П. окончилъ курсъ университета и переѣхалъ на лѣто къ намъ въ Воскресенскъ.

Тогда это былъ маленькій городишко, скорѣе похожій на небольшое село, съ одною только церковью. Управлялся онъ полицейскимъ надзирателемъ, котораго звали «городничимъ», и вообще жить въ немъ было дешево и пріятно, такъ какъ окрестности его прекрасны. Къ тому же общество интересное и дружное. Между прочимъ, въ Воскресенскѣ проживалъ тогда П. Д. Голохвастовъ,

извѣстный своими работами по предполагавшемуся въ началѣ 80-хъ годовъ созыву Земскаго собора. Жена его Ольга Андреевна была литераторшей, писала комедій и драмы. Въ городѣ стояла батарея, которой командовалъ симпатичнѣйшій полковникъ Б. И. Маевскій, Было нѣсколько офицеровъ и батарейныхъ дамъ. Приѣхавъ въ Воскресенскъ, А. П. засталъ у семьи Чеховыхъ уже порядочный кругъ знакомыхъ. Каждый вечеръ всѣ вмѣстѣ играли въ крокетъ и совершали далекія прогулки. Центромъ была семья Маевскихъ. У нихъ были дѣти: Аня, Соня и Алеша, которыхъ очень полюбилъ А. П., часто возилъ съ ними, говорилъ глупости и описалъ ихъ въ «Дѣтворѣ». Батарея эта дала А. П.-чу его свѣдѣнія по военной части («Поцѣлуй», «Три сестры»). Я слышалъ отъ брата Ивана Павловича, что почти передъ самой постановкой «Трехъ сестеръ» А. П. очень хотѣлъ повидаться (а можетъ быть, и повидался) съ бывшимъ тогда въ отставкѣ полковникомъ Маевскимъ, чтобы поговорить съ нимъ о военной части въ «Трехъ сестрахъ».

Въ двухъ верстахъ отъ Воскресенска была Чикинская земская больница, которой завѣдывалъ извѣстный тогда земскій врачъ П. А. Архангельскій. Къ нему съѣзжались на практику многіе студенты-медики и молодые врачи. Окончивъ курсъ въ университетѣ, А. П. на первыхъ порахъ хотѣлъ было заняться врачебной практикой и даже повѣсилъ вывѣску на дверяхъ: «Докторъ А. П. Чеховъ» и подавалъ прошеніе въ Московскую дѣтскую больницу, куда хотѣлъ опредѣлиться на службу. Скоро онъ близко сошелся съ П. А. Архангельскимъ, часто принималъ у него больныхъ и вообще любилъ бывать въ Чикинѣ. Больница эта дала ему темы для многихъ его рассказовъ («Хирургія», «Пашка», «Горе», «Бѣглець»). Въ Чикинскую больницу къ Архангельскому наѣзжалъ также и врачъ Звенигородской земской больницы С. П. Успенскій, молодой человекъ изъ семинаристовъ, говорившій на «о» и со всѣми обращавшійся на «ты».

— Послушай, Антонъ Павловъ, обратился онъ къ писателю, — я, братъ поѣду въ отпускъ, а замѣнить меня

некъмъ... Послужи, братъ, ты за меня. Моя Пелагея будетъ тебя кормить. И гитара есть...

А. П. подумаль, согласился и, взявъ меня съ собой, переѣхаль въ Звенигородъ. Это жалкій городишко, въ которомъ находится административный центръ уѣзда. Всѣ правительственныя учрежденія помѣщались тамъ въ то время въ одномъ желтомъ домѣ на горѣ, въ томъ самомъ, про который въ одномъ изъ своихъ рассказовъ А. П. написалъ: «Здѣсь и юстиція, здѣсь и полиція, здѣсь и милиція—совсѣмъ институтъ благородныхъ дѣвиць». Завѣдуя Звенигородской земской больницей, А. П. ѣздилъ по обязанности на вскрытія и близко ознакомился со всѣмъ укладомъ уѣздной чиновничьей жизни. Уѣздные сѣзды мировыхъ судей, судебныя слѣдствія, поѣздки на вскрытія,—все это въ рассказахъ А. П-ча навѣяно ему Звенигородомъ. Еще раньше, у Маевскихъ въ Воскресенскѣ, мы познакомились съ мѣстнымъ непремѣннымъ членомъ А. С. Киселевымъ. И теперь, когда мы съ братомъ ходили на сессіи въ уѣздный сѣздъ, на который въ качествѣ члена пріѣхаль и Киселевъ, то милый непремѣнный членъ во время разбирательства дѣлалъ намъ глазки.

А. С. Киселевъ жилъ въ 5 верстахъ отъ Воскресенска, въ своей усадьбѣ Бабкино, а самый Воскресенскъ отстоялъ отъ Звенигорода на 21 в. Племянникъ знаменитаго молдавскаго господаря и парижскаго посланника, графа П. Д. Киселева, Алексѣй Сергѣевичъ Киселевъ былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ Бегичевой, дочери В. П. Бегичева, извѣстнаго красавца и директора императорскихъ театровъ, описаннаго Марквичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ». Самъ Владиміръ Петровичъ былъ въ это время въ отставкѣ и жилъ у своего зятя въ Бабкинѣ. Это былъ предобрѣйшій и преинтереснѣйшій человѣкъ, послужившій А. П-чу оригиналомъ для графа Шабельскаго («Ивановъ») и Гаева («Вишневый садъ»). Въ большомъ бабкинскомъ домѣ онъ занималь маленькую комнатку, обставленную по-женски, съ окнами, выходившими на рѣку и лѣсъ. Видъ изъ этихъ

оконъ былъ нарисованъ художникомъ И. Левитаномъ и составилъ одну изъ лучшихъ его картинъ.

До 1885 г. мы бывали у Киселева въ Бабкинѣ только гостями, а съ этого года уже три лѣта подъ рядъ прожили въ самомъ Бабкинѣ на дачѣ, куда насъ пригласили сами Киселевы. Семья Киселевыхъ была одной изъ тѣхъ рѣдкихъ семей, въ которыхъ были еще живы словныя традиціи и которыя въ то же время во всей округѣ были носителями культуры. Мы, братья Чеховы, цѣлыми часами засиживались въ комнатѣ у В. П. Бегичева, и онъ рассказывалъ намъ свои похождения въ Россіи и заграницей. Ахъ, какой это былъ увлекательный человѣкъ! Съ какимъ юморомъ, я помню, онъ рассказывалъ одинъ изъ эпизодовъ, описанный А. П. въ рассказѣ «Володя» (трагическій конецъ придѣланъ самимъ А. П.-чемъ), и случай съ чихнувшимъ чиновникомъ, воспроизведенный братомъ въ рассказѣ «Смерть чиновника». Марія Владиміровна, близко знавшая Даргомыжскаго, Чайковскаго, Сальвини,—рассказывала намъ о нихъ. Наѣзжавшій бывшій теноръ оперы М. П. Владиславлевъ (давшій славу извѣстному романсу «На горѣ, за рѣкой хуторочекъ стоитъ»), несмотря на старость, все еще пѣлъ романсы и выдерживалъ *fermato* по полторы минуты. Красивыя дѣти, Сапа (дѣвочка) и Сережа, бѣгавшія по превосходному саду, въ которомъ, несмотря на близость людей и собакъ, безбоязненно днемъ и ночью пѣли соловьи,—дополняли картину земного счастья. Недалеко, по ту сторону рѣки, въ деревнѣ Максимовкѣ жилъ художникъ И. И. Левитанъ, хорошій другъ Антона П-ча. Было чрезвычайно интересно. Здѣсь, въ Бабкинѣ, случился «Налимъ». Я какъ сейчасъ вижу и купальню, и мужиковъ, и пастуха.

Просыпались очень рано. Часовъ въ семь утра А. П. уже сидѣлъ у себя за столикомъ и писалъ. Писалъ онъ тогда въ «Осколки» и въ «Петербургскую Газету», и во всѣхъ почти рассказахъ того времени можно увидѣть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо изъ бабкинскихъ обывателей или изъ обывателей тяготѣвшихъ

къ Бабкину деревень. Обѣдали въ часъ. Послѣ обѣда всей компаніей шли по грибы въ Дарагановскій лѣсъ. А. П. былъ страстнымъ любителемъ искать грибы и во время ходьбы по лѣсу легче придумывалъ темы. Близъ Дарагановскаго лѣса стояла одинокая полевщинская церковь, всегда обращавшая на себя вниманіе покойнаго брата. Въ ней служили всего только одинъ разъ въ годъ, на Казанскую, и по ночамъ до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторожъ звонилъ часы. Эта церковь, съ ея домикомъ для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала брату мысль написать «Вѣдьму» и «Недоброе дѣло». Возвратившись изъ лѣсу, пили чай. Затѣмъ А. П. опять писалъ или игралъ въ крокетъ, а въ 8 час. ужинали. Послѣ ужина шли въ большой домъ къ Киселевымъ. Это были превосходные вечера. А. С. Киселевъ и В. П. Бегичевъ сидѣли у стола и раскладывали пасьянсы, гувернатка Елизавета Александровна аккомпанировала, теноръ Владиславлевъ пѣлъ, а мы всѣ, Чеховы, усаживались вокругъ Маріи Владиміровны и слушали ея рассказы о заграничѣ, о Чайковскомъ, Даргомыжскомъ, Сальвини. Бѣгали дѣти. Съ подворья доносились или пѣніе соловьевъ, или же стукъ дождевыхъ капель о стекла. Пѣла и Марія Владиміровна. Я положительно могу утверждать, что любовь къ музыкѣ развилась у брата, А. П., именно здѣсь. Братъ шутилъ, былъ всегда веселъ, говорилъ глупости. Левитанъ рисовалъ въ альбомъ крымскіе виды, а А. П. дѣлалъ подъ его рисунками подписи слѣдующаго содержанія: «Видъ кипариса передъ вами, Василиса». Василисой онъ называлъ дѣвочку Сашу Киселеву. Дѣти называли А. П-ча Васей. Когда разъ А. П. поймалъ карася, дѣвочка сказала ему въ отместку: «Вася поймалъ карася». Въ эти вечера много говорилось о литературѣ, художествѣ, смаковали Тургенева, Писемскаго. Щедринъ не сходилъ съ устъ. Много читали. Получались всѣ толстые журналы.

Замѣчательно, что и И. И. Левитанъ, создатель школы русскаго пейзажа, началъ тоже съ Бабкина, куда вскорѣ же переселился изъ Максимовки.

Благодаря жизнерадостности и природы и милых обитателей, А. П. и самъ былъ жизнерадостенъ. Онъ писалъ, критика его хвалила, сулила ему хорошее будущее, онъ былъ здоровъ. Иногда онъ дурилъ. Бывало, въ лѣтніе вечера онъ надѣвалъ съ Левитаномъ бухарскіе халаты, мазалъ себѣ лицо сажей и въ чалмѣ, съ ружьемъ, выходилъ въ поле по ту сторону рѣки. Левитанъ выѣзжалъ туда же на ослѣ, слѣзалъ на землю, разстилалъ коверъ и, какъ мусульманинъ, начиналъ молиться на востокъ. Вдругъ изъ-за кустовъ къ нему подкрадывался бедуинъ—Антонъ Павл. и палилъ въ него изъ ружья холостымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ навзничь. Получалась совсѣмъ восточная картина... А то, бывало, судили Левитана. Киселевъ былъ предсѣдателемъ суда, Антонъ Павл.—прокуроромъ, специально для чего гримировался. Оба были въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ. Братъ говорилъ обвинительную рѣчь, отъ которой всѣ умирали отъ хохота. Гостившій тогда у насъ старшій братъ, Александръ П. защищалъ. Были и присяжные и стража. Антонъ Павл. всегда былъ весельчакомъ и большимъ юмористомъ.

Въ Бабкинѣ мы прожили три лѣта подъ рядъ, пріѣзжали туда и зимою. А 1887-й годъ былъ для А. П.-ча уже роковымъ. Вотъ что писалъ онъ тогда къ брату Николаю:

... «Кто мнитъ себя виновнымъ, тотъ всегда ищетъ себѣ оправданія извинѣ: пьяница ссылается на горе, П.—на цензуру. Брось я сейчасъ семью на произволъ судьбы, я старался бы найти себѣ извиненіе въ кровохарканіи».

Слѣдовательно, чахоткою А. П. захворалъ уже въ 1887 году, вскорѣ по возвращеніи изъ Бабкина въ Москву. Къ тому же тогда онъ очень плохо спалъ, спалъ тревожно, скрежеталъ зубами, видѣлъ тяжкіе сны. Среди сна его что-то, какъ онъ говорилъ, «дергало», внутри его что-то съ болью обрывалось, и онъ буквально на полъ-аршина подскакивалъ всѣмъ тѣломъ надъ кроватью и въ ужасѣ пробуждался. Впослѣдствіи, чтобы только заснуть, онъ выпивалъ на ночь по бутылкѣ под-

часъ дрянного, деревенскаго, кабацкаго пива. Сны ему снились страшные. Одинъ разъ, уже въ Мелиховѣ, его испугалъ во снѣ черный монахъ, который послужилъ потомъ темой для разсказа того же названія.

У меня сохранился черновикъ письма А. П-ча къ Григоровичу. Вотъ что пишетъ онъ въ немъ о своихъ снахъ:

«Когда ночью спадаетъ съ меня одѣяло, я начинаю видѣть во снѣ громадныя склизкіе камни, холодную осеннюю воду, голые берега,—все это неясно, въ туманѣ, безъ клочка голубого неба; въ уныніи и въ тоскѣ, точно заблудившійся, я гляжу на камни и чувствую почему-то неизбѣжность перехода черезъ глубокую рѣку; вижу я въ это время маленькіе буксирныя парходики, которые тащатъ громадныя барки, плавающія бревна... Все въ безконечности сурово, уныло, сыро. Когда же я бѣгу отъ рѣки, то встрѣчаю на пути обвалившіяся ворота кладбища, похороны, своихъ гимназическихъ учителей. И въ это время весь я проникнутъ тѣмъ тяжелымъ, кошмарнымъ холодомъ, какой невысказанно наяву и ощущается только спящимъ... Мнѣ кажется, что родился и живи я постоянно въ Петербургѣ, мнѣ снились бы непременно берега Невы, Сенатская площадь, массивныя фундаменты».

Тогда же начался въ литературѣ брата переломъ. Начался онъ съ «Панихиды», впервые напечатанной въ «Новомъ Времени», и затѣмъ уже во всѣхъ его послѣдующихъ разсказахъ стала звучать грустная нотка. О сотрудничествѣ въ «Осколкахъ» онъ уже не думалъ: въ «Новомъ Времени» для него открылись спеціальныя «Субботники», да и года, повидимому, стали брать свое. Онъ сильно сталъ кашлять по ночамъ. Сталъ серьезенъ, разсудителенъ, сталъ рѣже шутить, говорить глупости. Затѣянный имъ костюмированный вечеръ, когда мы жили на Якиманкѣ, былъ послѣднимъ, когда онъ гримировался. Именно къ этому времени принадлежитъ его письмо къ покойному брату Николаю о личной порядочности. Вотъ его содержаніе:

«Воспитанные люди, по моему мнѣнію, должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ :

1) Они уважаютъ человѣческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вѣжливы, уступчивы... Живя съ кѣмъ-нибудь, они не дѣлаютъ изъ этого одолженія, а уходя не говорятъ : «Съ вами жить нельзя!» Они прощаютъ и шумъ, и холодъ, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствіе въ ихъ жильѣ постороннихъ...

2) Они сострадательны не къ однимъ только нищимъ и кошкамъ. Они болѣютъ душой и отъ того, чего не увидишь простымъ глазомъ. Они ночей не спятъ, чтобы помогать П., платить за братьевъ-студентовъ, одѣвать мать...

3) Они уважаютъ чужую собственность, а потому и платятъ долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, какъ огня. Не лгутъ они даже въ пустякахъ. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляетъ въ его глазахъ говорящаго. Они не рисуются, держатъ себя на улицѣ такъ же, какъ дома, не пускаютъ пыли въ глаза меньшей братіи... Они не болтливы и не лѣзутъ съ откровенностями, когда ихъ не спрашиваютъ... Изъ уваженія къ чужимъ ушамъ, они чаще молчатъ...

5) Они не уничтожаютъ себя съ тою цѣлью, чтобы вызвать въ другомъ сочувствіе. Они не играютъ на струнахъ чужихъ душъ, чтобъ въ отвѣтъ имъ вздохали и нянчились съ ними. Они не говорятъ : «Меня не понимаютъ!» или : «Я размѣнялся на мелкую монету!» потому что все это бьетъ на дешевый эффе́кть, пошло, старо, фальшиво.

6) Они не суетны. Ихъ не занимаютъ такіе фальшивые брилліанты, какъ знакомство съ знаменитостями, рукопожатіе пьянаго П., восторгъ встрѣчнаго въ salon'ѣ, извѣность по портернымъ. Они смѣются надъ фразой : «Я представитель печати!!» Дѣлая на грошъ, они не носятъ со своей палкой на сто рублей и не хвастаютъ тѣмъ, что ихъ пустили туда, куда другихъ не пустили... Истинные таланты всегда сидятъ въ потемкахъ, въ толпѣ,

подальше отъ выставки... Даже Крыловъ сказалъ, что пустую бочку слышнѣе, чѣмъ полную.

7) Если они имѣютъ въ себѣ талантъ, то уважаютъ его. Они жертвуютъ для него покоемъ, женщинами, виномъ, суею... Они горды своимъ талантомъ, сознавая, что они призваны воспитывающе вліять. Къ тому же они брезгливы.

8) Они воспитываютъ въ себѣ эстетику. Они не могутъ уснуть въ одеждѣ, видѣтъ на стѣнѣ щели съ клопами, дышать дряннымъ воздухомъ, шагать по оплеванному полу, питаться изъ керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинктъ... Имъ нужны отъ женщины не постель, не лошадиный потъ, не умъ, выражающійся въ умѣнны лгать безъ устали... Имъ, особливо художникамъ, нужны свѣжестъ, изящество, человѣчность, способность быть матерью. Они не трескаютъ походя водку, не нюхаютъ шкафовъ, ибо они знаютъ, что они не свиньи. Пьютъ они только, когда свободны, при случаѣ... Ибо имъ нужна *mens sana in corpore sano*.

«И т. д. Таковы воспитанные. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, въ которую попалъ, не достаточно прочесть только «Пикквика» и вызубрить монологъ изъ «Фауста»... Тутъ нужны непрерывный дневной и ночной трудъ, вѣчное чтеніе, штудировка, воля... Тутъ дорогъ каждый часъ...»

Годъ спустя, у А. П.—ча начинается какая-то лихорадочная дѣятельность. Точно онъ хочетъ что-то на-верстать. Онъ много пишетъ, въ 1888 г. ѣдетъ въ Крымъ, въ Святыя Горы («Святою ночью» и «Перекасти поле»), затѣмъ въ Абхазію, въ Тифлисъ, за границу. Въ 1890 г. отправляется на Сахалинъ; едва только возвращается оттуда черезъ Индію, какъ вскорѣ же уѣзжаетъ въ Ниццу. Я убѣжденъ, что на этотъ разъ онъ уѣхалъ въ Ниццу именно отъ чахотки.

Интересно его письмо съ Кавказа отъ 28 іюля 1888 года.

«Паршивенскій грузовой пароходъ Диръ мчится на всѣхъ парахъ (8 узловъ въ часъ) отъ Сухума до Поты. Двѣнадцатый часъ ночи. Въ маленькой каюткѣ, единственный на пароходѣ и похожей на в.-к., нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ. Слышно, какъ работаетъ машина: «бумъ, бумъ бумъ»... Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила... Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается... Все вниманіе желудка устремлено на кровать, и онъ, словно нивеллируя, то подкатываетъ выпитую сельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ... Чтобы не облевать въ потемкахъ одежды, быстро одѣваюсь и выхожу. Темно... Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступнешь, всюду бочки, мѣшки, тряпье... Подъ подошвами угольный мусоръ... Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшотчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ... Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ... Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку... Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку... Качаетъ... Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется. Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ... Ни огонька.

«Сзади меня окно. Гляжу въ него и вижу человѣка съ лицомъ Павла Михайловича. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію... Рядомъ со мной стоитъ маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега...

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво! говоритъ

онъ между прочимъ кому-то; или:—Тутъ должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никакъ нѣтъ! отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

«Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и не спѣшала ѣзетъ куда-то вверхъ. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

«Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль, и ничего не вижу... Проходитъ полчаса, часъ... Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку... Тошноты нѣтъ, но жутко...

«Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами: «Черрртова кукла!» бѣжитъ куда-то назадъ. •

— Влѣво! кричитъ онъ съ тревогой во все горло.— Влѣво... вправо! Аря... ва... а-а!

«Слышится непонятная команда; пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... «А-ва-а-ва!» кричитъ капитанъ. У самого носа звонятъ въ колоколь, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики... Диръ еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ.

— Что такое? спрашиваю я и чувствую что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочеть, черртова кукла! слышится рѣзкій крикъ капитана.

— Влѣ-ѣ-ва-а!

«У носа показываются какіе-то красные огни и вдругъ раздается среди шума свистъ не Дира, а какого-то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! Диръ пыхтитъ, дрожить и какъ будто не движется, ожидая, когда ему итти ко дну... (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полуминуты, но доставившее мнѣ немало мученій... Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ пароходъ. О недоразумѣніи расскажу при свиданіи, писать же о немъ длинно, нѣтъ мочи).

«Но вотъ, когда по моему мнѣнію все уже погибло, слѣва показываются красные огни и начинаетъ вырисовываться силуэтъ парохода... Длинное, черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ.

— Уфъ! Какой это пароходъ? спрашиваю я капитана.

«Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говорить:

— Это Твиди.

«Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчь о Вестѣ, которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погибель человѣка, и глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость... Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой...

«Иду къ себѣ въ каюту... Душно и воняетъ кухней. Раздѣваюсь донаго и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышитъ... Бумъ, бумъ, бумъ... Обливаюсь потомъ, задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя: «Зачѣмъ я здѣсь?»

«Просыпаюсь... Уже не темно... Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Козули глядятъ по-человѣчески сквозь рѣшетку и, кажется, хотятъ спросить: «Зачѣмъ мы здѣсь?» Капитанъ по прежнему стоитъ неподвижно и всматривается въ даль.

«Налѣво тянется гористый берегъ... Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ. Восходитъ мутное солнце... Видна зеленая Ріонская долина, а возлѣ нея Потійская бухта»...

По возвращеніи братъ рассказывалъ мнѣ, почему именно онъ считалъ себя причиной возможнаго столкновенія Дира съ Твиди. Въ суматохѣ, во время качки, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, ухватился за что-то, что тоже подалось въ сторону. Это оказался телеграфъ въ машину. Братъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, но не сумѣлъ. Предсказаніе брата

относительно капитана оправдалось отчасти: въ ту же осень Диръ погибъ у береговъ Алупки.

Лѣто 1888 и 89 гг. братъ провель на дачѣ въ Харьковской губ., въ усадьбѣ Лука Сумского уѣзда; но, сколько знаю, въ исторіи его творчества усадьба эта не играла особой роли. Я не могу указать ни одного мѣста въ его разсказахъ, гдѣ бы можно было узнать Луку. Сюда пріѣзжали къ намъ гостить А. Н. Плещеевъ, П. М. Свободинъ, А. С. Суворинъ и К. С. Баранцевичъ. Ловили раковъ, рыбу, слушали дуэты віолончели и рояли но уже не было того розмаха молодости, той жизнерадостности, которыми сопровождалась жизнь въ Бабкинѣ. Къ тому же здѣсь мы похоронили нашего брата Николая, умершаго отъ чахотки... Послѣ похоронъ ѣздили въ Ахтырку и въ Сорочинцы Полтавской губ.; но и эти чудесныя поѣздки не оставили слѣда въ произведеніяхъ брата. Малороссію онъ любилъ лишь платонически.

Зачѣмъ А. П. уѣхалъ на Сахалинъ. Собрался онъ туда какъ то сразу, вдругъ. Тогда я кончалъ курсъ въ университетѣ и подъ впечатлѣніемъ моихъ лекцій я—(юристъ) онъ сразу засуматошился, засбирался. Начались подготовительныя работы къ поѣздкѣ. Онъ собиралъ матеріалы. Знакомыя барышни дѣлали для него выписки въ Румянцевской библіотекѣ, онъ доставалъ откуда-то фоліанты о Сахалинѣ. Работа кипѣла. Въ апрѣлѣ 1900 г. братъ двинулся въ далекій путь. Желѣзной дороги тогда еще не было, приходилось ѣхать рѣками и на тарантасѣ, а затѣмъ возвращаться черезъ Индійскій океанъ. Эта поѣздка дала ему «Въ ссылкѣ» и «Гусева». Своему же «Острову Сахалину» онъ придавалъ серьезное значеніе. Это я вывожу изъ его фразы, съ которой онъ разъ обратился ко мнѣ:

— А что, Миша, если за эту штуку да мнѣ дадутъ степень доктора медицины, *honoris causa*, а?

Но этой степени ему не дали. Вѣроятно, не догадались.

Лѣто 1891 г. братъ провель въ усадьбѣ Богимово Калужской губ. Здѣсь мы снимали домъ еще екатери-

нинскихъ временъ, гдѣ, чтобы перейти черезъ залу, наша мать присаживалась на полпути отдохнуть. Такъ велики были комнаты. Брату здѣсь очень нравилось. Изъ оконъ дома открывался великолѣпный видъ на усадьбу Даньково, которую, помню, брату очень хотѣлось купить. Этотъ домъ и усадебка Даньково (но не лица въ нихъ) описаны въ разсказѣ «Домъ съ мезониномъ». Въ Богимовѣ А. П. написалъ свою «Дуэль».

Въ 1892 г. братъ приобрѣлъ уже свое собственное имѣніе Мелихово. Здѣсь онъ прожилъ безвыѣздно до того самаго времени, когда чахотка заставила его окончательно покончить съ Россіей, бросить все и переѣхать на постоянное жительство въ Крымъ. О Мелиховѣ и о жизни брата въ Мелиховѣ уже писалось подробно и много въ разныхъ газетахъ вскорѣ послѣ его смерти. О братѣ, какъ о человѣкѣ, напечатано уже нѣсколько воспоминаній, посвященныхъ его памяти. Я не имѣлъ въ виду писать о немъ, какъ о человѣкѣ. Приведу еще только одну подробность.

Братъ былъ выше предрасудковъ, но одно совпаденіе удивляло всякій разъ и его и другихъ, кто бывалъ въ тѣ минуты съ нимъ. Это—звонъ. Въ какую бы пору дня или ночи братъ ни проѣзжалъ мимо церкви,— всегда раздавался на ней звонъ.

— Ну, вотъ слушай... всякій разъ обращался онъ ко мнѣ, когда мы подходили или подѣзжали къ церкви.—Сейчасъ будутъ звонить... Я—Потемкинъ!

И дѣйствительно, начинался звонъ. Былъ ли то благовѣсть или ударяли часы, а то просто слышался изъ открытаго окна алтаря бой часовъ,—но звонъ все-таки раздавался. Конечно, это было совпаденіе. Мы смѣялись.

— Я—Потемкинъ! почему-то говорилъ при этомъ братъ.

О звонѣ знаетъ и А. С. Суворинъ.

А. П., его жена О. Л. и К. С. Станиславскій. (1903 г.).

II.

Одинъ изъ биографовъ Антона Павловича сообщаетъ, что въ гимназическомъ возрастѣ Ант. П. былъ «вялымъ увальнемъ». Въ опроверженіе позволяю себѣ привести здѣсь письмо, написанное ко мнѣ братомъ, когда онъ былъ еще въ шестомъ классѣ гимназіи, а я во второмъ.

«Письмо твое я получилъ какъ разъ въ самый разгаръ ужаснѣйшей скуки, зѣвая у воротъ, а потому ты можешь судить, какъ оно, длиннѣйшее, пришлось весьма кстати. Почеркъ у тебя хорошъ, и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мнѣ только одно: зачѣмъ ты величаешь свою особу «незамѣтнымъ братишкой»? Ничто-

жество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ, надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь гдѣ? Предъ Богомъ, пожалуй, предъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно признавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошенникъ, честный человѣкъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малаго и знай, что честный малый не ничтожность. Не смѣшивай «смиряться» и «сознавать свое ничтожество». Георгій выросъ. Мальчикъ онъ добрый, я съ нимъ часто играю въ бабки. Хорошо дѣлаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временемъ ты эту привычку оцѣнишь. Мадамъ Бичеръ-Стоу выжала изъ глазъ твоихъ слезы? Я ее когда-то читалъ, прочелъ и полгода тому назадъ съ научной цѣлью и почувствовалъ послѣ чтенія неприятное ощущеніе, которое чувствуютъ смертные, наѣвшись не въ мѣру изюму и коринки. Прочти ты слѣдующія книги: Донъ-Кихоть (полный въ 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочиненіе Сервантеса, котораго ставятъ чуть ли не на одну доску съ Шекспиромъ. Совѣтую братьямъ прочесть «Донъ-Кихоть и Гамлетъ» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть не скучное путешествіе, прочти «Фрегатъ Паллада» Гончарова. Наши учителя берутъ съ пансіонеровъ по 350 р., а кормятъ бѣдныхъ мальчишекъ, какъ собакъ, юшкой отъ жаркого. А. Чеховъ».

Думается, что «увалень» никогда бы не написалъ такого письма, а тѣмъ менѣе «вялый». Гимназистомъ шестого класса, Антонъ Павловичъ много читаетъ, играетъ въ бабки, возмущается учителями, которые кормятъ своихъ пансіонеровъ, какъ собакъ, и чисто почеховски острить надъ Бичеръ-Стоу. Въ этомъ же классѣ онъ издаетъ юмористическій журналъ «Заика», который высылаетъ старшему брату въ Петербургъ. Выписываетъ самъ «Сынъ Отечества». Развѣ «вялый увалень» способенъ на это? Отдѣльные номера «Заики» уцѣлѣли до сихъ поръ. Ученикомъ 7-го и 8-го классовъ Ант. П. очень любилъ ухаживать за гимназистками и, сколько знаю изъ его уроковъ мнѣ, когда я тоже былъ гимна-

зистомъ 7-го класса, романы его были жизнерадостны. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ театръ и изъ всѣхъ пьесъ, которыя ему пришлось тогда видѣть, больше всего онъ рассказывалъ мнѣ о «Маминькиномъ сынкѣ», «Ограбленной почтѣ» и «Гамлетѣ». Когда мы еще жили въ Таганрогѣ всей семьей, у насъ часто происходили домашніе спектакли, въ которыхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой. Помню, мы разыграли даже «Ревизора», въ которомъ городничаго игралъ Ант. Павл. Играли и на малороссійскомъ языкѣ про какого-то Чупруна и Чупрунику, гдѣ роль Чупруна исполнялъ все тотъ-же «увалень» Антоша. Но самую любимую для Ант. Павл., кажется, была тогда имъ самимъ придуманная сцена про градоначальника. Въ гимназическомъ мундирчикѣ съ старинной дѣдушкиной пашкой черезъ плечо онъ представлялъ, какъ градоначальникъ стоитъ въ табельный день въ соборѣ и какъ затѣмъ, по окончаніи обѣдни, производитъ смотръ казакамъ. Эту сцену все съ новыми вариантами онъ показывалъ часто и очень охотно.

Окончивъ-же курсъ гимназіи, Ант. Павл. пріѣхалъ къ намъ въ Москву умѣвшимъ мѣтко стрѣлять изъ ружья и отлично ѣздить на лошади. Научился онъ этому въ степи на хуторѣ Кравцова и въ имѣніи Ивана Парфентьевича, къ которымъ ѣздилъ изъ Таганрога три лѣта подъ рядъ. Но объ его сежурахъ тамъ я, къ сожалѣнію, очень мало знаю.

На наше счастье намъ попалась превосходная няня Агаѣя Александровна Кумская, умѣвшая удивительно рассказывать. Мастерница была рассказывать и наша мать. Няня все больше повѣствовала о таинственномъ, страшномъ, необыкновенномъ, а мать—о быломъ, какъ она дѣвочкой ѣхала на тарантасѣ черезъ всю Россію изъ Владимірской губ. въ Таганрогъ, какъ насъ бомбардировали въ Севастопольскую войну французы и англичане и какъ скверно жилось крестьянамъ во время крѣпостного права. Читая произведенія брата, я то и дѣло нахожу въ нихъ черточки этихъ двухъ вліяній. А поэтическое

«Счастье» написано имъ безусловно подъ впечатлѣніемъ рассказовъ няни.

Будучи ученикомъ VII класса, Ант. Павл. написалъ большую драму «Безотцовщина» и ужасно смѣшной водевиль «Не даромъ курица пѣла» и прислалъ ихъ намъ въ Москву для прочтенія. Я долго берегъ эти произведенія, но, приѣхавъ затѣмъ въ Москву поступать въ университетъ, Ант. П. отобралъ ихъ отъ меня и «Безотцовщину» разорвалъ на мелкіе кусочки, а водевиль спряталъ. Куда дѣвался водевиль,—не знаю. Во второй же годъ по приѣзду въ Москву Ант. Павл. написалъ еще одну большую драму съ конокрадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ поѣздъ и т. п. Я переписывалъ эту драму и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ, гимназисту, верхомъ совершенства. Драму эту Ант. П., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ къ М. Н. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату г-жа Ермолова, только мои старанія четко переписать драму такъ и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія «Войницкій», которая воскресла потомъ въ «Дядѣ Ванѣ». Изъ другихъ пьесъ знаю очень трогательную пьесу «Баринъ», запрещенную цензурой, и нѣсколько нескромный водевиль «Бритый секретарь съ пистолетомъ», о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двухспальной кроватью. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ для напечатанія бездарное стихотвореніе. И вотъ Ант. П. долженъ былъ спеціально сочинять именно бездарное стихотвореніе, въ которомъ четыре раза должно было повториться слово «стремглавъ». Вотъ это стихотвореніе.

Прости меня, мой ангелъ бѣлоснѣжный,
Подруга дней моихъ и идеалъ мой нѣжный,
Что я, забывъ любовь, *стремглавъ* туда бросаюсь,

Гдѣ смерти пасть... О, ужасаюсь!

Въ могильный склепъ съ груди горячей

Убитый, раненый, лежачій

Стремглавъ я падаю... Не плачь, прости...

Всѣ птицы будутъ пѣть и розы цвѣсти

Надъ свѣже-вырытой могилой, куда меня злой рокъ опуститъ.

Тогда поймешь, какъ я страдалъ,

Какъ я любилъ свой идеалъ.

Надъ ней *стремглавъ* ввойдетъ моя идея

Во образѣ цвѣтовъ, ландышей, розъ пріятныхъ...

Тогда по повелѣнію таинствъ непонятныхъ

Изъ гроба буду я *стремглавъ* вставать ночами

И, отравясь цвѣтовъ благоуханьемъ,

Какъ чудной дѣвушки лобзаньемъ,

Уйду обратно въ гробъ съ прослезненными глазами...

«Послѣдняя строчка нѣсколько тяжеловата, говорить редактору герой водевиля, но вѣдь главное—умѣть прочесть!»

Кромѣ того, уже будучи извѣстнымъ писателемъ, Антонъ Павловичъ написалъ пьесу, заглавіе которой я позабылъ. Кажется, продолженіе Суворинской «Татьяны Рѣпиной». Къ сожалѣнію, у меня сохранились только четыре страницы печатнаго экземпляра этой пьесы. Она начинается такъ:

«Седьмой часъ вечера. Соборная церковь. Горятъ всѣ паникадила и ставники. Царскія врата открыты. Поютъ два хора: архіерейскій и соборный. Церковь полна народа. Тѣсно и душно. Идетъ вѣнчаніе. Вѣнчаются Собининъ и Оленина. У перваго шаферами Котельниковъ и офицеръ Волгинъ, у второй—ея братъ студентъ и товарищъ прокурора. Вся мѣстная интеллигенція. Роскошные наряды. Вѣнчаютъ: о. Иванъ въ полинявшей камилавкѣ, о. Николай въ скуфейкѣ и лохматый, очень молодой еще о. Алексѣй въ темныхъ очкахъ; позади и нѣсколько вправо отъ о. Ивана—высокій тощій дьяконъ съ книгой. Въ толпѣ мѣстная труппа съ Матвѣевымъ во главѣ.

О. Иванъ (*читаетъ*). Помяни Боже и воспитавшія ихъ родители... и т. д., и т. д.

Далѣе изъ середины:

«Арх. хоръ (поетъ). Аминь.

«Патронниковъ. Душно! Это какой у васъ орденъ на шеѣ, Давидъ Соломоновичъ?

«Зоненштейнъ. Бельгійски. И зачѣмъ такъ много народу? Кто пускалъ? Уфъ! Русская баня!

«Патронниковъ. Полиція дрянная.

«Дьяконъ. Господу помолимся!» и т. д.

Въ бумагахъ Антона Павловича вѣроятно имѣется полный экземпляръ этой единственной въ своемъ родѣ пьесы. Она напечатана; очень миниатюрнаго формата.

Антонъ Павловичъ былъ превосходный актеръ. Сколько знаю онъ ни разу не участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, но очень часто, чуть не каждый день, выступалъ у себя въ семьѣ, въ своихъ собственныхъ импровизаціяхъ. То онъ читалъ лекцію и изображалъ при этомъ стараго профессора, то выступалъ въ роли зубного врача, то представлялъ аеонскаго монаха. Его первое произведеніе, напечатанное имъ въ «Стрекозѣ» («Письмо къ ученому сосѣду»), составляетъ собою именно одну изъ его лекцій, которую онъ въ лицахъ разыгрывалъ передъ нами. Аккуратно каждый вечеръ за ужиномъ, измѣнивъ голосъ и становясь совершенно неузнаваемымъ, онъ рассказывалъ какую-нибудь смѣшную исторію, отъ которой у всѣхъ насъ начиналось колотье въ бокахъ. Очень смѣшно выходилъ у него экзаменъ на діакона. Антонъ Павловичъ изображалъ дьячка, а старшій братъ—архіерея. Вытянувъ шею, которая становилась отъ этого старчески-жилистой и, измѣнивъ до неузнаваемости выраженіе лица, Антонъ Павловичъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ настоящій деревенскій дьячокъ, долженъ былъ пропѣть передъ братомъ всѣ икосы, кондаки и богородичны на всѣ восемь голосовъ, задыхался при этомъ отъ страха передъ архіереемъ, ошибался и въ концѣ-концовъ все-таки удостоивался архіерейской фразы:

— Во діаконѣхъ еси!

Гримировался Антонъ Павловичъ такъ, что его не узнавали даже близкіе его родные. Разъ онъ нарядился

нищимъ и, написавъ просительное письмо, черезъ весь городъ, въ костюмѣ, отправился къ дядѣ и подалъ ему это письмо. Дядя не узналъ его и подалъ ему три копейки. Вообще Ант. Павл. любилъ повеселиться и любилъ, когда веселились другіе. Если собирались ряженые, онъ непременно помогалъ имъ тѣмъ или другимъ и наряжался и самъ. Уже въ Мелиховѣ, будучи больнымъ, онъ помогалъ моей женѣ нарядиться хулиганомъ и самъ написалъ для нея просительное письмо слѣдующаго содержанія (правописаніе подлинника): «Ваше Высокоблагородіе! Будучи преследуемъ въ жизни многочисленными врагами и пострадалъ за правду, потерялъ мѣсто, а такъ-же жена моя больна чревовещаніемъ, а на детяхъ сынь, потому покорнейше прошу пожаловать мнѣ отъ щедротъ вашихъ келькшость благородному человѣку. Василій Спиридоновъ Сволачевъ».

Антонъ Павл. не питалъ никакой привязанности къ врачебной практикѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ повѣсилъ на дверяхъ вывѣску «Докторъ А. П. Чеховъ» и, повидимому, твердо рѣшилъ быть врачомъ. Но его первые шаги въ этомъ направленіи, сколько помню, не были удачны. Практика его началась за тридевять земель отъ его квартиры, въ Лефортовѣ, у учителя кадетскаго корпуса, и здѣсь на первыхъ же порахъ братъ написалъ невѣрный рецептъ. Возвратившись домой, онъ провѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучился ужасно. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ полночь, захвативъ меня съ собой, онъ на послѣднія деньги нанялъ у гостиницы «Саратовъ» лихача и помчался снова въ кадетскій корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецептъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не послали.

— Ты знаешь, — показывалъ онъ мнѣ этотъ рецептъ. — Запятаю въ граммахъ не тамъ поставилъ. Вотъ вышла бы катавасія!

И это, кажется, былъ нашъ единственный въ жизни случай, когда мы мчались на лихачѣ.

Въ другой разъ Антону П—чу пришлось лѣчить семейство Я. на Зубовскомъ бульварѣ. Лѣчилъ онъ тамъ

что-то мѣсяца полтора или даже больше, такъ какъ послѣдовательно тамъ заболѣли тифомъ мать и три взрослыя дочери подъ рядъ. Мать умерла, одна изъ дѣвушекъ тоже умерла, но кончина ея была слишкомъ трогательна. Она схватила Ант. П—ча за руку, да такъ и умерла, держа его руку въ своей. На писателя это произвело такое сильное впечатлѣніе, что вывѣска была снята съ двери и больше ужъ на ней не появлялась никогда. При этомъ, кажется, Антонъ П—чь былъ немножко мнителенъ. У меня сохранилось его письмо отъ 10 марта 1887 г., когда была большая эпидемія тифа въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ этомъ письмѣ есть такая фраза: «Вхалъ я, понятно, въ самомъ напряженномъ состояніи. Снились мнѣ гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. Вообще ночь была подлая...» Письмо это онъ заканчиваетъ фразой: «Мнѣ страшно». А вотъ еще одинъ изъ случаевъ изъ его практики. Мы жили въ Бабкинѣ. Уже совсѣмъ подъ вечеръ къ намъ пріѣхалъ какой-то мужиченко на простой телѣгѣ и сталъ просить Антона П—ча поѣхать немедленно въ с. Карцево, чтобы подать помощь его женѣ, съ которой «что-то случилось». Антонъ П—чь захватилъ меня съ собой, и мы поѣхали. По возмутительной дорогѣ ѣхали верстъ десять въ одинъ конецъ въ мужицкой телѣгѣ, молнія разсѣкала небо, громъ прямо-таки оглушалъ и мы впервые въ жизни увидели прыгавшіе болотные огоньки. Даже страшно сдѣлалось. А когда пріѣхали, то столкнулись съ женщиной, бывшей въ горячечномъ бреду отъ гнилостного зараженія. Темно, душно, гудятъ мухи и больная смотритъ дикими оловянными бѣлками и что-то бормочетъ, и кажется, что вотъ-вотъ домъ расколется пополамъ отъ ударовъ грома. Въ результатѣ—опять десять верстъ домой въ той же телѣгѣ и по той же возмутительной дорогѣ. Стоило ли городить огородъ?

Антонъ Павл. не былъ врачомъ-практикомъ, но судя по тому, какъ онъ интересовался юридическими науками и какъ отлично зналъ всѣ права, изъ него вышелъ бы

Первый крупный гонораръ (25 р.)
А. П. Чехова.

превосходный юристъ. Адвокатура была для него одной изъ завидныхъ профессій и онъ долго не прощаль мнѣ того, что по окончаніи юридическаго факультета я не пошелъ сразу въ адвокаты. «Будь адвокатомъ», часто онъ мнѣ писалъ и говорилъ. Его «Островъ Сахалинъ», которому онъ придавалъ значеніе диссертациі, — произведеніе скорѣе юриста, чѣмъ врача.

Но если Антону П—чу не нравилась врачебная практика, то и занятія литературой его вначалѣ пугали неизвѣстностью будущаго («я хандрилъ, ибо страшился безденежнаго будущаго»). И только со времени первой

поѣздки въ Петербургъ онъ сталъ твердо вѣрить въ свое литературное призваніе. Въ Петербургъ онъ поѣхалъ не сразу, какъ это дѣлаютъ теперь молодые писатели, а уже довольно поработавъ въ московскихъ изданіяхъ, гдѣ ему буквально платили гроши. За свой романъ «Драма на охотѣ», помѣщенный имъ въ «Новостяхъ Дня», которая тогда еле-еле скрипѣли, онъ получалъ всего только по 3 рубля въ недѣлю. Я тогда былъ студентомъ и ходилъ по редакціямъ за гонораромъ, на что и имѣлъ отъ Антона Павловича удостовѣреніе слѣдующаго содержанія: «Медицинское свидѣтельство. Дано сіе студенту Императорскаго Московскаго университета Михаилу Павловичу Чехову, православнаго вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коихъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю. Врачъ А. П. Чеховъ. Москва 1886 г. Января 15-го дня». На свидѣтельствѣ этомъ наварена сургучная печать.

Бывало, придешь съ этимъ документомъ въ «Новости Дня» за полученіемъ 3-хъ рублей и ждешь-ждешь, когда газетчики принесутъ выручку... Сидятъ сотрудники... Тутъ же дѣвочка разучиваетъ гаммы на роялѣ. И почему-то ужасно хочется чаю.

— Чего вы ждете?—спроситъ наконецъ издатель, которому станетъ жалко ожидающихъ.

— Да вотъ получить три рубля...

— У меня ихъ нѣтъ... Гдѣ же я ихъ возьму? Можетъ быть, вы билетъ въ театръ хотите? Или брюки новые? Такъ сходите, къ портному такому-то и возьмите у него брюки за мой счетъ!

И у него дѣйствительно не было денегъ. И нужно только удивляться, на какой тонкой ниточкѣ держалось тогда журнально-газетное дѣло въ Россіи!

Въ то время Антонъ Павл. работалъ въ «Будильникѣ», «Новостяхъ Дня», «Москвѣ» и «Свѣтѣ и Тѣняхъ». Два послѣдніе журнала, впрочемъ, скоро прекратились. Работа въ этихъ органахъ сблизила его съ поэтомъ Паль-

минымъ. Это былъ горькій пьяница и жилъ съ дамой, которую Антонъ Павловичъ прозвалъ фефелой. Фефела очень пила и, чтобы лишній разъ выпить, всякій разъ обращалась къ Пальмину съ фразой:

— Людоръ Иванычъ, вамъ не пора пиво пить?

Пальминъ писалъ стихи въ «Осколкахъ» и былъ пріятелемъ Н. А. Лейкина.

Однажды Лейкинъ пріѣхалъ въ Москву и, вытащивъ Пальмина изъ его берлоги, повезъ его провѣтриться. Когда они ѣхали по Тверской, то имъ навстрѣчу попался шедшій по тротуару молодой человѣкъ съ длинными волосами.

— Вы знаете, кто это?—спросилъ Лейкина Пальминъ.

— Нѣтъ—отвѣтилъ Лейкинъ.

— Это Чеховъ! Вотъ человѣкъ, котораго слѣдовало бы пригласить въ «Осколки».

Разговоръ этотъ записанъ самимъ Лейкинымъ въ памятную книжку Антона Павловича и, дѣйствительно, представляетъ собою эпоху въ литературной дѣятельности Чехова. И я вполне понимаю Н. А. Лейкина, когда встрѣтившись со мною какъ-то въ «Медвѣдѣ», онъ прослезился и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, сказалъ:

— Я Чехова родилъ!

Какъ бы то ни было, а именно благодаря описанной встрѣчѣ на Тверской, Лейкинъ пригласилъ Чехова въ «Осколки» и съ этого момента вся литературная дѣятельность писателя стала переходить изъ Москвы въ Петербургъ. Вслѣдъ за Лейкинымъ Антона П—ча приглашаютъ сотрудничать въ «Петербургской Газетѣ» и именно здѣсь онъ помѣщаетъ лучшіе изъ мелкихъ своихъ рассказовъ. Разказы эти обращаютъ на него вниманіе Д. В. Григоровича и Антонъ П—чъ начинаетъ сотрудничать въ «Новомъ Времени», гдѣ Григоровичъ былъ своимъ человѣкомъ. Такимъ образомъ съ Петербургомъ у Антона П—ча завязываются литературныя связи и онъ собирается наконецъ туда самъ. Петербургъ производитъ на него ошеломляющее впечатлѣніе. Вотъ

что писалъ онъ мнѣ оттуда въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени: «Питеръ великолѣпный. Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, извозчики, провизія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, напр., съ 10¹/₂ часовъ утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленка: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно выдаюсь съ Суворинымъ, Буренинымъ и проч. Всѣ наперерывъ приглашаютъ меня и курятъ мнѣ еиміамъ. Я за три дня пополнѣлъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда жить здѣсь! Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишашую NN и ZZ, портитъ мнѣ кровь. Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашенія. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится психопатія». И далѣе: «Предубѣжденіе къ Петербургу—вещь довольно непохвальная въ интеллигентномъ человѣкѣ.»

Въ Петербургѣ у Антона П—ча завязалось близкое знакомство съ Григоровичемъ, Плещеевымъ, Полонскимъ, Лѣсковымъ. Григоровичъ сталъ наѣзжать къ Антону П—чу въ Москву, а Плещеевъ даже много времени гостилъ. Интересно знакомство Антона П—ча съ Полонскимъ.

Кто-то изъ литераторовъ пришелъ къ Антону П—чу и сказалъ ему, что Полонскій желаетъ съ нимъ познакомиться и просить пожаловать къ себѣ. Антонъ П—чъ собрался, и оба тотчасъ же отправились къ Полонскому. Литераторъ представилъ его. Къ удивленію Антона Павловича, Полонскій такъ сурово принялъ его, что никакъ нельзя было даже и предполагать, что старикъ желалъ съ нимъ встрѣчи и даже самъ посылалъ за нимъ.

— Смотрѣть не хочеть,—разсказывалъ мнѣ братъ,—брюзжить, стучить костью... Вотъ, думаю, невѣжа! И это послѣ столькихъ-то изумительныхъ писемъ!

Наконецъ, когда сидѣть больше было уже невмогуту, братъ поднялся и простился съ Полонскимъ. Полон-

скій взялъ костью и нехотя, изъ вѣжливости, пошелъ провожать его въ прихожую.

— Да вы чѣмъ собственно занимаетесь, г. Чубиковъ? обратился къ Антону П—чу Полонскій, когда тотъ былъ уже въ пальто.

— Я не Чубиковъ, а Чеховъ,—отвѣтилъ братъ.

— Какъ?!

— Чеховъ...

— Ахъ я дуракъ!!—И Полонскій хлопнулъ себя по лбу.—Не слышалъ вашей фамилии! Слышу что-то въ родѣ «чу», «чо»...

И брату пришлось раздѣться снова, снова войти въ кабинетъ и уже на этотъ разъ провести интересный вечеръ.

А. Н. Плещеевъ прожилъ у Антона П—ча почти цѣлый мѣсяцъ въ 1888 году, когда всѣ мы жили въ Малороссіи въ усадьбѣ Линтваревыхъ «Лука». Это былъ уже тогда дряхлый старецъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Барышни такъ прямо увлекались имъ.

Для Алексѣя Николаевича у насъ была отведена отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ былъ такъ милъ, что этого не замѣчалъ. Сочинялъ онъ вслухъ. Бывало, слышишь, что въ его комнатѣ кто-то кричитъ или зоветъ на помощь. Испугаешься и заглянешь къ нему въ дверь.

— Алексѣй Николаевичъ, вамъ чего?—спросишь его.

— А?—удивится вдругъ А. Н. и мило, по-старчески, улыбнется.

Къ Плещееву Антонъ Павл. относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, но каждую минуту боялся за его здоровье. А. Н. очень любилъ мучное, а наша мать любила обкармливать, и то и дѣло Антону Павловичу приходилось быть врачомъ, чего, сколько знаю, онъ не любилъ.

Но старики-писатели вскорѣ поумирали, братъ очень извѣрился въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и сразу

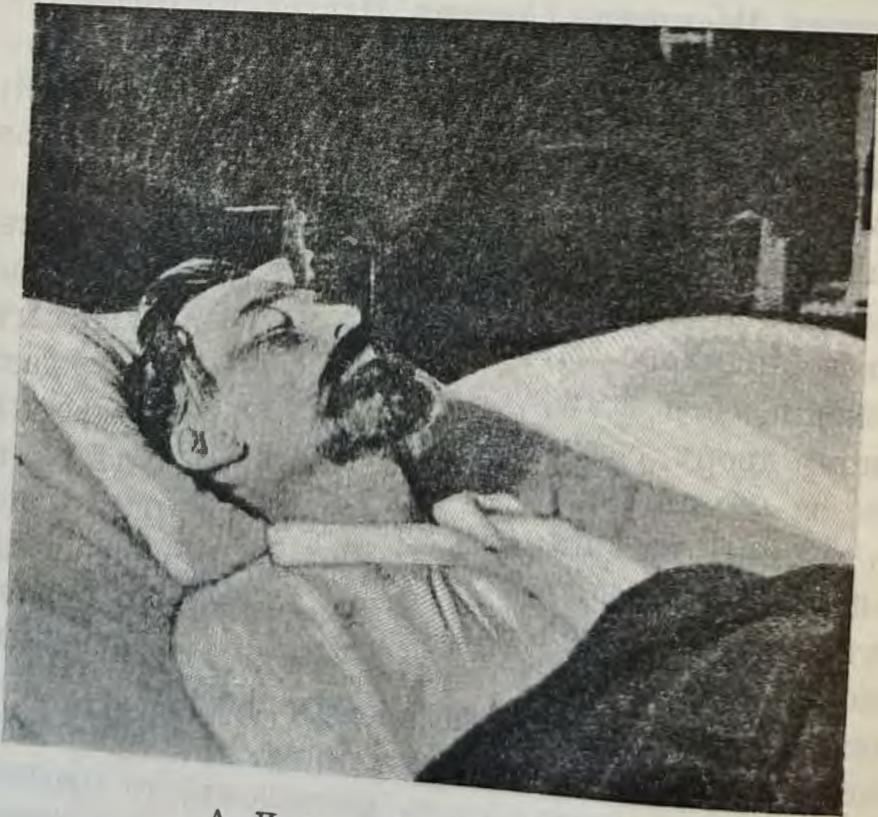
охлаждѣль къ Петербургу. Такой-то сталъ лживъ, писалъ онъ мнѣ, такой-то хитеръ, такіе-то ничтожные люди во всѣхъ смыслахъ, а такой-то былъ хорошъ, да умеръ. И по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ самъ и какъ ближе знакомился въ Мелиховѣ съ жизнью, Петербургъ все болѣе и болѣе сталъ казаться ему празднымъ, холоднымъ, эгоистичнымъ. Зато Москва—онъ любилъ ее, какъ настоящій москвичъ. Онъ любилъ ея людей, ея климатъ, звонъ. Бывало, онъ соберетъ цѣлую компанію и отправляется съ нею пѣшкомъ на Каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревенѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой. Въ это время изъ приходской церкви уже возвращался любившій достоять всѣ службы до конца отецъ, мы всѣ хоромъ пѣли «Христосъ Воскресе» (Антонъ Павловичъ басомъ) и сиделись разговляться. Антонъ П—чъ выпивалъ рюмочки 3—4 водочки и шутилъ. Я не помню, чтобы Антонъ П—чъ хоть разъ, даже въ Мелиховѣ, провелъ пасхальную ночь въ постелѣ.

Jules Legras въ своей книгѣ «Au pays Russe» такъ характеризуетъ Антона Павловича: «Вотъ наконецъ и усадьба Мелихово. Мнѣ указываютъ на большое мѣсто, окруженное березами; я вхожу туда и, проблуждавъ по скотному двору, гдѣ цѣлый легіонъ собакъ хватаетъ меня прямо за брюки, вижу наконецъ домикъ, гдѣ обитаетъ самъ хозяинъ имѣнія. Онъ выходитъ ко мнѣ своей широкой и какъ бы нетвердой походкой, въ сопровожденіи двухъ таксъ, церемонныхъ и смѣшныхъ. Это человѣкъ нѣсколько болѣе 30-ти лѣтъ, высокій, худощавый, съ яснымъ лбомъ и длинными волосами, которые онъ отбрасываетъ машинальнымъ движеніемъ пальцевъ назадъ, съ прямымъ, испытующимъ взглядомъ, то простодушнымъ, то не безъ хитрецы. Его первая встрѣча немножко холодна, но непринужденна: очевидно, онъ изучаетъ того, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, и чувствуетъ, что и я его тоже изучаю. Но вотъ первый шагъ уже сдѣланъ

и разговоръ между нами начинается»... «Въ другой разъ», пишетъ далѣе Жюль Легра, — «я нашелъ въ немъ что-то до такой степени притягательное, что видаться съ нимъ стало для меня уже потребностью».

Сколько знаю брата, это одна изъ лучшихъ его характеристикъ. Дѣйствительно, нѣсколько замкнутый при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, онъ затѣмъ обнажалъ въ себѣ всегда что-то такое, что навѣки привязывало къ нему людей. Впрочемъ, объ этомъ писалось уже не разъ.

М. Чеховъ.

А. П. на смертномъ одрѣ.